

СОВЕТСКАЯ КУЛЬТУРА

№ 128
(1776)

Орган Министерства культуры СССР и Центрального Комитета профессионального союза работников культуры

Вторник, 27 октября 1964 года.

Цена 3 коп.

НАВСТРЕЧУ 47-ГОДОВЩИНЕ ВЕЛИКОГО ОКТЯБРЯ

СТРАНИЦЫ СЛАВНОЙ ИСТОРИИ

За залом, в центре бывшего Таганкино — ростовской рабочей окраины, стоит Дворец культуры железнодорожников имени В. И. Ленина. На его фасаде — две мемориальные доски. Одна из них сообщает, что здание построено на том месте, где в 1905 году проходили баррикадные бои рабочих с царскими войсками, на мраморе которых высечены имена героев, отдавших жизнь за победу революции.

Этот район славен своими замечательными революционными традициями. Этак бы Красная Пресня. Ростова. Каждый камень здесь был свидетелем памятных событий. Дома, улицы, прымающие и исторически прославленные здания, на мраморе которых высечены имена героев, отдавших жизнь за победу революции.

Во Дворце культуры железнодорожников открылся народный музей труда, славы и революционной традиции, организованный на общественных начальниках старыми большевиками, участниками революционных событий, — Михаилом Антоновичем Шумным, Владимиром Семёновичем Фермантоном, Монисом Евдокимовичем Ступаком, Василием Гаресимовичем Базиным, Иваном Ивановичем Логиновым и другими.

Одним из первых экспонатов был номер пленнической газеты «Пролетарий» за 1905 год. Его принес М. Шумный. Красный карандашом был подчеркнута здесь запись: «Сообщение из газеты, что в Ростове, Фотографии, появившиеся от кремяни, гистокин, почты, чеки, грамоты, значки — свидетельство».

СКОРО ПРЕМЬЕРА

В НАЧАЛЕ октября в Большом зале Казанской оперы состоялось первое исполнение новой оперы Юрия Рубина «Сны революции» на стихи В. Лугового.

Страстная гражданская лирика поэта-художника композитора не оставляет сомнения, воспевающая величие этой революции и бесмертные подвиги, утверждавшие закон Октября. Герой произведения — один из этих солдат, человек, который, вспоминая прошлое, рожденное нового мира.

Пятая, заключительная часть — «Сны воспоминаний», в которой артисты — «Кости» — молодой герой (поддержанный репликами хора), который, обращаясь мыслью к величию прошлому, герой в нем живущую силу, стойкость и мужество.

Однако на сцене для солистов (бас), хора и симфонического оркестра. В нее пять частей. Первая часть — «Курская антогра» — разыгрывает пронзительный вечер красноармейских курсантов перед отправкой на фронт. В ее суроюм нимфе господили в наложении чеканенное ритмо — огромная, полустроекность, звонкость звуков боявого торжества полководца.

Западные лирики зорко: «На краю и на север — вперед, Трезвон, трезвон, трезвон! Россия курсантов зовет!»

Вторая часть — «Боевой путь» — рассказывает о глубоких

стремлений событий, все это кратко и ярко рассказали энтузиасты музея и тщательно отобрали для будущей экспозиции.

Интересную историю рассказывают на большом сборнике стихов, фотографий, рисунков бывшего рабочего-художника мастерски Николай Шукшин. Революция разбудила в человеке лучше, что было в нем заложено. Простор рабочий стал художником и поэтом. Замечательна история этого его произведения: открытие Таганкино в 1925 году. Николай Кузьмин решил написать на склоне портрет В. И. Ленина. Он работал целый месяц, вися над пропастью. И вот на отроге горы Машук появился огромный портрет юноши в реалии, исполненный настолько красочно, выражение любви и благодарности рабочего человека гению человечества. В день Великой Отечественной войны, в тяжелые для страны периоды Пятигорска был временно оккупирован немецкими захватчиками. Ленинский портрет на склоне вызвал их ярость. Его срочно приказали заменить черной краской, но дошли смысла ее. Не удалось и сократить рисунок: так прочно срослись краски с камнем. Тогда, рассвирепев, фашисты пытались расстрелять портрет из орудий, но склон верно хранил на себе изображение Ленина.

А когда оккупанты были изгнаны с советской земли, Н. К. Шукшин вновь побывал в Пятигорске и реставрировал портрет. Покой не для коммунистов — так рассуждают ростовские ветераны революционной борьбы, возглавлявшие народный музей. И на ограничиваются лишь широкой ролью экспузионистов или хранителей стендов. Деятельность музея перешагнула через стены Дворца культуры железнодорожников. Музей стал одним из центров идеологической работы в Ростове.

Большое, прекрасное дело сделали коммунисты Ростова.

Б. ЖЕГИС
РОСТОВ-на-ДОНЕ.

— О —

С высокой наградой!

УКАЗАМИ Президиума Верховного Совета СССР орденами «Знак Почета» награждены:

полукомандир Савватий Карапетян — за заслуги в развитии советской литературы и в связи с семидесятилетием со дня рождения;

диктор Всесоюзного радио Левитан Юрий Борисович — за много лет и плодотворную работу в советском радиовещании и в связи с пятидесятилетием со дня рождения;

зикофонист Юрий Борисович — за много лет и плодотворную работу в советском радиовещании и в связи с пятидесятилетием со дня рождения.

— О —

Поздравляем с почетным званием!

УКАЗАМИ Президиума Верховного Совета РСФСР присвоены почетные звания:

НАРОДНОГО АРТИСТА РСФСР — солисту Монгольской государственной филармонии, заслуженному артисту РСФСР Кончоу Леониду Борисовичу — за заслуги в области советского музыкального искусства;

ЗАСЛУЖЕННЫХ АРТИСТОВ РСФСР: Мунтажовой Ирине Васильевне — заслуженному артисту Московского театра оперетты — за заслуги в области советского музыкального искусства;

ЗАСЛУЖЕННОГО АРТИСТА РСФСР — Юрию Аркадьевичу Борисову — за заслуги в области советского музыкального искусства;

ЗАСЛУЖЕННОГО ДЕЯТЕЛЯ ИСКУССТВ РСФСР артисту Серому Николаю Николаевичу — за заслуги Государственного центрального института физической культуры.

Четвертая часть — «Сны воспоминаний». Язык контрастом оттеняет тем более звучание произведения, вводящим в атмосферу национальной атмосферы. По своему образному содержанию она представляет собой смисловую и эмоциональную концепцию на произведениях великого композитора Шостакова.

Пятая, заключительная часть — «Кости» — молодой герой (поддержанный репликами хора), который, обращаясь мыслью к величию прошлому, герой в нем живущую силу, стойкость и мужество.

Однако на сцене для солистов (бас), хора и симфонического оркестра. В нее пять частей. Первая часть — «Курская антогра» — разыгрывает пронзительный вечер красноармейских курсантов перед отправкой на фронт. В ее суроюм нимфе господили в наложении чеканенное ритмо — огромная, полустроекность, звонкость звуков боявого торжества полководца.

Западные лирики зорко: «На краю и на север — вперед, Трезвон, трезвон, трезвон! Россия курсантов зовет!»

Вторая часть — «Боевой путь» — рассказывает о глубоких

раздумьях героя, видящего свой высокий долг в служении Родине.

Третья часть — «Взятие Перекопа» — начинается волнистыми широкими изгибами, вводящими в атмосферу кавказской атаки. По своему образному содержанию она представляет собой смисловую и эмоциональную концепцию на произведениях великого композитора Шостакова.

Четвертая часть — «Сны воспоминаний», в которой артисты — «Кости» — молодой герой (поддержанный репликами хора), который, обращаясь мыслью к величию прошлому, герой в нем живущую силу, стойкость и мужество.

Однако на сцене для солистов (бас), хора и симфонического оркестра. В нее пять частей. Первая часть — «Курская антогра» — разыгрывает пронзительный вечер красноармейских курсантов перед отправкой на фронт. В ее суроюм нимфе господили в наложении чеканенное ритмо — огромная, полустроекность, звонкость звуков боявого торжества полководца.

Западные лирики зорко: «На краю и на север — вперед, Трезвон, трезвон, трезвон! Россия курсантов зовет!»

Вторая часть — «Боевой путь» — рассказывает о глубоких

раздумьях героя, видящего свой высокий долг в служении Родине.

Третья часть — «Взятие Перекопа» — начинается волнистыми широкими изгибами, вводящими в атмосферу кавказской атаки. По своему образному содержанию она представляет собой смисловую и эмоциональную концепцию на произведениях великого композитора Шостакова.

Четвертая часть — «Сны воспоминаний», в которой артисты — «Кости» — молодой герой (поддержанный репликами хора), который, обращаясь мыслью к величию прошлому, герой в нем живущую силу, стойкость и мужество.

Однако на сцене для солистов (бас), хора и симфонического оркестра. В нее пять частей. Первая часть — «Курская антогра» — разыгрывает пронзительный вечер красноармейских курсантов перед отправкой на фронт. В ее суроюм нимфе господили в наложении чеканенное ритмо — огромная, полустроекность, звонкость звуков боявого торжества полководца.

Западные лирики зорко: «На краю и на север — вперед, Трезвон, трезвон, трезвон! Россия курсантов зовет!»

Вторая часть — «Боевой путь» — рассказывает о глубоких

раздумьях героя, видящего свой высокий долг в служении Родине.

Третья часть — «Взятие Перекопа» — начинается волнистыми широкими изгибами, вводящими в атмосферу кавказской атаки. По своему образному содержанию она представляет собой смисловую и эмоциональную концепцию на произведениях великого композитора Шостакова.

Четвертая часть — «Сны воспоминаний», в которой артисты — «Кости» — молодой герой (поддержанный репликами хора), который, обращаясь мыслью к величию прошлому, герой в нем живущую силу, стойкость и мужество.

Однако на сцене для солистов (бас), хора и симфонического оркестра. В нее пять частей. Первая часть — «Курская антогра» — разыгрывает пронзительный вечер красноармейских курсантов перед отправкой на фронт. В ее суроюм нимфе господили в наложении чеканенное ритмо — огромная, полустроекность, звонкость звуков боявого торжества полководца.

Западные лирики зорко: «На краю и на север — вперед, Трезвон, трезвон, трезвон! Россия курсантов зовет!»

Вторая часть — «Боевой путь» — рассказывает о глубоких

раздумьях героя, видящего свой высокий долг в служении Родине.

Третья часть — «Взятие Перекопа» — начинается волнистыми широкими изгибами, вводящими в атмосферу кавказской атаки. По своему образному содержанию она представляет собой смисловую и эмоциональную концепцию на произведениях великого композитора Шостакова.

Четвертая часть — «Сны воспоминаний», в которой артисты — «Кости» — молодой герой (поддержанный репликами хора), который, обращаясь мыслью к величию прошлому, герой в нем живущую силу, стойкость и мужество.

Однако на сцене для солистов (бас), хора и симфонического оркестра. В нее пять частей. Первая часть — «Курская антогра» — разыгрывает пронзительный вечер красноармейских курсантов перед отправкой на фронт. В ее суроюм нимфе господили в наложении чеканенное ритмо — огромная, полустроекность, звонкость звуков боявого торжества полководца.

Западные лирики зорко: «На краю и на север — вперед, Трезвон, трезвон, трезвон! Россия курсантов зовет!»

Вторая часть — «Боевой путь» — рассказывает о глубоких

раздумьях героя, видящего свой высокий долг в служении Родине.

Третья часть — «Взятие Перекопа» — начинается волнистыми широкими изгибами, вводящими в атмосферу кавказской атаки. По своему образному содержанию она представляет собой смисловую и эмоциональную концепцию на произведениях великого композитора Шостакова.

Четвертая часть — «Сны воспоминаний», в которой артисты — «Кости» — молодой герой (поддержанный репликами хора), который, обращаясь мыслью к величию прошлому, герой в нем живущую силу, стойкость и мужество.

Однако на сцене для солистов (бас), хора и симфонического оркестра. В нее пять частей. Первая часть — «Курская антогра» — разыгрывает пронзительный вечер красноармейских курсантов перед отправкой на фронт. В ее суроюм нимфе господили в наложении чеканенное ритмо — огромная, полустроекность, звонкость звуков боявого торжества полководца.

Западные лирики зорко: «На краю и на север — вперед, Трезвон, трезвон, трезвон! Россия курсантов зовет!»

Вторая часть — «Боевой путь» — рассказывает о глубоких

раздумьях героя, видящего свой высокий долг в служении Родине.

Третья часть — «Взятие Перекопа» — начинается волнистыми широкими изгибами, вводящими в атмосферу кавказской атаки. По своему образному содержанию она представляет собой смисловую и эмоциональную концепцию на произведениях великого композитора Шостакова.

Четвертая часть — «Сны воспоминаний», в которой артисты — «Кости» — молодой герой (поддержанный репликами хора), который, обращаясь мыслью к величию прошлому, герой в нем живущую силу, стойкость и мужество.

Однако на сцене для солистов (бас), хора и симфонического оркестра. В нее пять частей. Первая часть — «Курская антогра» — разыгрывает пронзительный вечер красноармейских курсантов перед отправкой на фронт. В ее суроюм нимфе господили в наложении чеканенное ритмо — огромная, полустроекность, звонкость звуков боявого торжества полководца.

Западные лирики зорко: «На краю и на север — вперед, Трезвон, трезвон, трезвон! Россия курсантов зовет!»

Вторая часть — «Боевой путь» — рассказывает о глубоких

раздумьях героя, видящего свой высокий долг в служении Родине.

Третья часть — «Взятие Перекопа» — начинается волнистыми широкими изгибами, вводящими в атмосферу кавказской атаки. По своему образному содержанию она представляет собой смисловую и эмоциональную концепцию на произведениях великого композитора Шостакова.

Четвер

ДАВНО УЖЕ театры юных зрителей не получали такого количества новых пьес на современную тему, как в лирическом сезоне. И все же, формируя репертуар, они испытывают трудности именно с этим основным разделом. Дело в том, что подавляющее количество новых пьес для подростков — комедии, юмористики, а произведений других жанров почти совсем нет.

Комедия — желанная гостья на сцене детского театра. Дети ее любят, а воспитательное воздействие забавных прес с куплетами, роллерами, смешными «кисами про кис» гораздо значительнее, чем может показаться на первый взгляд. Они развязывают у ребят чувство юмора, будоражат фантазию, прививают вкус к творческой игре. Лучшие пьесы этого жанра наглядно подтверждают старую истину: смех — хороший воспитатель. В умных, веселых комедиях Юрия Сотникова нет национального. Автор просто показывает детям различные профессии их сверстников. Чтобы сыграть доходки лучше, он вводит еще и персонажей помошников, которые, по существу, повторяют поступки старших, но умнее сказем в нелепом виде.

Шестидесятники Федя из комедии «Дерки его» собралась бежать на север. Он приготовил комикс, роками, батные брюки. Проведав об этом, младший братика тоже сунулась в путь: принесла шубу, мешок для наушников и ржавый топор, чтобы отбиваться от медведей. Сам того не сознавая, «нашлыши» пародирует брата, а подростки- зрители отлично узнают в этом выпускнике зеркале себя. Комедия заставляет из посмотра на себя со стороны, воспитывает в нихцию из драгоценных свойств человека: умение посмеяться над самим собой. В этой пьесе нет сформулированных педагогических выводов, но есть сераская педагогическая мысль.

Долгое время наша драматургия считала своим долгом развенчивать сумасбродные мальчишеские мечтания о необычайных подвигах. Мальчик, мечтающий о героических похождениях, либо оказывался трусом, либо осознавал свои ошибки и направлялся всю энергию на изучение алгебры. На обсуждении тэзисов спектаклей передко можно было услышать тридцатидневных мудрецов, которые критиковали «ложную романтику» и за-

валили, и радости педагогов, что истинный подвиг — это учиться на лятери.

В комедии «Дерки его» все наоборот. «Ложный романтик» Федя вызывает полную симпатию, и совершаает (пусть после колебаний, но все-таки) храбрый поступок. А традиционный афоризмы о подвиге патерническом, вложенный в усту милой, но беспомощной девушки, научит отрицанием пародии.

Ю. Сотников разыгрывает со сложившейся педагогической «уставкой», и, по-моему, он прав. В реальной жизни длительное напряжение силы даётся трущее, чем германский бросок. Но, усердно волнивая горячими речами головы холодной водой, мы рискуем вырастить беспримерных рационалистов. Полемическая мысль делает ее интересной не только для ребят, но и для тех, кто их воспитывает. В этом то новое, что отличает ее от большинства комедий для детей, написанных ранее.

Вообще в детских комедиях «урожае» 1964 года есть черта, позволяющая говорить о развитии этого жанра. Раньше мальчишеские герои комедии жили в замкнутом тепличном мире, куда, кроме них, допускались лишь папы, мамы, дедушки и бабушки, занятые только их делами. Сейчас границы этого мира начинают раздвигаться. Действие «Собирера» С. Михайлова происходит во дворе дачи. Чем живут люди за пределами этого двора, мы не знаем. Действие новой комедии Г. Мамонки «Чудеса подъездов» тоже развертывается во дворе. Но не отградой тихого дворника живет трудовой жизньюгород, мы ощущаем блеск этой жизни, ее ритм. Постепенно меняются и яркие персонажи новых комедий: у них появляются свои дела, свои интересы, они работают, творят, любят друг друга.

И ТАК, комедийный жанр успешно развивается. Но нальяя строить репертуар из одних комедий. Почему же среди новых пьес для детей 12–14 лет нет таких, которые поднимали бы серьезный разговор о сложных явлениях жизни, и таких, которые увлекали бы ребят рассказом о германских деяниях нашей современности?

Причина очевидна, в том, что создать пьесу о современности, серезную, глубокую, но в то же

ВОСПИТАНИЕ ПРАВДОЙ

время интересную и доступную тринадцатилетнему, трудно. В этом возрасте круг интересов уже очень широк, в способности понимать сущность явлений еще довольно ограничена. Подростковые интересы лежат на поверхности, часто проявляются в скрытой форме.

К этим объективным трудностям добавляется и трудность преодоления некоторых «традиционных» детских драматургии.

Издания предполагалось, что главными героями пьес для подростков должны быть их сверстники. Рядом этого драматурги либо склонялись к проблематику и конфликту, либо допускали так называемый «юношеский авангардизм»: нарушая правила жизни, изображали детей чуть ли не основной движущей силой истории. Сейчас и авторы, и театры, и педагоги пришли к убеждению, что искусственно изолированная «детская конфликтность» неправомерна, что путь к созданию современной пьесы для подростков лежит через раскрытие созидательной деятельности взрослых, а которой принимают посильное участие в детях.

Но тогда возникнет новая проблема: как показать подросткам взрослых людей интересно, понятно и в то же время не упрощено? Сделать это драматургически писателю гораздо труднее, чем прозе, который может пользоваться описаниями, пояснениями и не зависит от возможностей сцены.

Тем не менее драматурги приступили к решению этой сложной задачи. На сцене детского театра появились строители («Генка Пыжов» — первый житель Братска А. Макеева по поэзии Н. Печерского), юноши, механизмы («Приключения Кротика» А. Рыбакова), подростки («Пристань «Кувшинка» Г. Карпенко), речники («Королева и семь дочерей» Э. Шима). Но образ, который, по-настоящему увлек бы ребят, пока не создан.

Сейчас подобные пьесы почти исчезли из репертуара. Но изменились целиком: появились другие группы персонажей: бандиты и воры. За последние годы эти типы постали не менее пленительны, в которых так или иначе участвует юношеский мир.

Воровство — социальное зло, бичевать его необходимо, но, мне кажется, перспективы развития детской драматургии лежат в иной плоскости, а конфликт между честными людьми и преступниками не имеет оснований стать центральным конфликтом.

Н ЕСРАВНЕНИО важнее для подростков конфликты, основанные на столкновении и борьбе нравственных принципов.

Благородство и подлость, бескорыстие и эгоизм, преданность и вероломство, мужество и тру-

щая еще одна традиция, отвечающая которую теоретически оказывается легче, чем на практике.

Долгое время считалось, что подростковым показывать детям «плохих юношеских», и это крайне ограничивало возможности драматургов. В историко-революционных пьесах борьба против враждебных сил давала материал для острого конфликта,

Драматургия и современность

шества — вот те полярные заряды, которые дают яркую испытку драматического конфликта, особенно волнующего (и воспитывающего) человека в пору, когда начинает формироваться его нравственный облик.

В пьесах для юношества столкновение такого характера занимает ведущее место, но в драматургии для подростков они еще почти не используются. Между тем уже первые попытки построить пьесу для этого возраста на подобном конфликте подтверждают его большие возможности.

Пьеса Р. Михайлова «Поиски неизвестных» в литературном и драматургическом отношении далеко не совершенна, ее фабула надумана (пioneerы отправляются во время войны отца своего матеря). Но в основе конфликта пьесы лежит именной столкновение противоположных нравственных принципов. Прогресс поисков становится и процессом познания людей: одних зрители горячо принимают, других так же горячо отвергают. В этой пьесе хороших людей гораздо больше, чем плохих. Так оно бывает и в жизни. Но образ героя волен подросткам, в значит, и воздействует на них только тогда, когда он активно борется против зла. А зло на сцене тоже волеет в образе человека. Поэтому задача создания образов — носителей острого нравственного конфликта — становится одной из основных задач современной драматургии для подростков.

Ее успешное решение, вероятно, во многом зависит от выбора союзников: плюсов и минусов, в которых действуют на них только тогда, когда он активно борется против зла. А зло на сцене тоже волеет в образе человека. Поэтому задача создания образов — носителей острого нравственного конфликта — становится одной из основных задач современной драматургии для подростков.

Ее успешное решение, вероятно, во многом зависит от выбора союзников: плюсов и минусов, в которых действуют на них только тогда, когда он активно борется против зла. А зло на сцене тоже волеет в образе человека. Поэтому задача создания образов — носителей острого нравственного конфликта — становится одной из основных задач современной драматургии для подростков.

Ее успешное решение, вероятно, во многом зависит от выбора союзников: плюсов и минусов, в которых действуют на них только тогда, когда он активно борется против зла. А зло на сцене тоже волеет в образе человека. Поэтому задача создания образов — носителей острого нравственного конфликта — становится одной из основных задач современной драматургии для подростков.

Ее успешное решение, вероятно, во многом зависит от выбора союзников: плюсов и минусов, в которых действуют на них только тогда, когда он активно борется против зла. А зло на сцене тоже волеет в образе человека. Поэтому задача создания образов — носителей острого нравственного конфликта — становится одной из основных задач современной драматургии для подростков.

Ее успешное решение, вероятно, во многом зависит от выбора союзников: плюсов и минусов, в которых действуют на них только тогда, когда он активно борется против зла. А зло на сцене тоже волеет в образе человека. Поэтому задача создания образов — носителей острого нравственного конфликта — становится одной из основных задач современной драматургии для подростков.

Ее успешное решение, вероятно, во многом зависит от выбора союзников: плюсов и минусов, в которых действуют на них только тогда, когда он активно борется против зла. А зло на сцене тоже волеет в образе человека. Поэтому задача создания образов — носителей острого нравственного конфликта — становится одной из основных задач современной драматургии для подростков.

Ее успешное решение, вероятно, во многом зависит от выбора союзников: плюсов и минусов, в которых действуют на них только тогда, когда он активно борется против зла. А зло на сцене тоже волеет в образе человека. Поэтому задача создания образов — носителей острого нравственного конфликта — становится одной из основных задач современной драматургии для подростков.

Ее успешное решение, вероятно, во многом зависит от выбора союзников: плюсов и минусов, в которых действуют на них только тогда, когда он активно борется против зла. А зло на сцене тоже волеет в образе человека. Поэтому задача создания образов — носителей острого нравственного конфликта — становится одной из основных задач современной драматургии для подростков.

Ее успешное решение, вероятно, во многом зависит от выбора союзников: плюсов и минусов, в которых действуют на них только тогда, когда он активно борется против зла. А зло на сцене тоже волеет в образе человека. Поэтому задача создания образов — носителей острого нравственного конфликта — становится одной из основных задач современной драматургии для подростков.

Ее успешное решение, вероятно, во многом зависит от выбора союзников: плюсов и минусов, в которых действуют на них только тогда, когда он активно борется против зла. А зло на сцене тоже волеет в образе человека. Поэтому задача создания образов — носителей острого нравственного конфликта — становится одной из основных задач современной драматургии для подростков.

Ее успешное решение, вероятно, во многом зависит от выбора союзников: плюсов и минусов, в которых действуют на них только тогда, когда он активно борется против зла. А зло на сцене тоже волеет в образе человека. Поэтому задача создания образов — носителей острого нравственного конфликта — становится одной из основных задач современной драматургии для подростков.

Ее успешное решение, вероятно, во многом зависит от выбора союзников: плюсов и минусов, в которых действуют на них только тогда, когда он активно борется против зла. А зло на сцене тоже волеет в образе человека. Поэтому задача создания образов — носителей острого нравственного конфликта — становится одной из основных задач современной драматургии для подростков.

Ее успешное решение, вероятно, во многом зависит от выбора союзников: плюсов и минусов, в которых действуют на них только тогда, когда он активно борется против зла. А зло на сцене тоже волеет в образе человека. Поэтому задача создания образов — носителей острого нравственного конфликта — становится одной из основных задач современной драматургии для подростков.

Ее успешное решение, вероятно, во многом зависит от выбора союзников: плюсов и минусов, в которых действуют на них только тогда, когда он активно борется против зла. А зло на сцене тоже волеет в образе человека. Поэтому задача создания образов — носителей острого нравственного конфликта — становится одной из основных задач современной драматургии для подростков.

Ее успешное решение, вероятно, во многом зависит от выбора союзников: плюсов и минусов, в которых действуют на них только тогда, когда он активно борется против зла. А зло на сцене тоже волеет в образе человека. Поэтому задача создания образов — носителей острого нравственного конфликта — становится одной из основных задач современной драматургии для подростков.

Ее успешное решение, вероятно, во многом зависит от выбора союзников: плюсов и минусов, в которых действуют на них только тогда, когда он активно борется против зла. А зло на сцене тоже волеет в образе человека. Поэтому задача создания образов — носителей острого нравственного конфликта — становится одной из основных задач современной драматургии для подростков.

Ее успешное решение, вероятно, во многом зависит от выбора союзников: плюсов и минусов, в которых действуют на них только тогда, когда он активно борется против зла. А зло на сцене тоже волеет в образе человека. Поэтому задача создания образов — носителей острого нравственного конфликта — становится одной из основных задач современной драматургии для подростков.

Ее успешное решение, вероятно, во многом зависит от выбора союзников: плюсов и минусов, в которых действуют на них только тогда, когда он активно борется против зла. А зло на сцене тоже волеет в образе человека. Поэтому задача создания образов — носителей острого нравственного конфликта — становится одной из основных задач современной драматургии для подростков.

Ее успешное решение, вероятно, во многом зависит от выбора союзников: плюсов и минусов, в которых действуют на них только тогда, когда он активно борется против зла. А зло на сцене тоже волеет в образе человека. Поэтому задача создания образов — носителей острого нравственного конфликта — становится одной из основных задач современной драматургии для подростков.

Ее успешное решение, вероятно, во многом зависит от выбора союзников: плюсов и минусов, в которых действуют на них только тогда, когда он активно борется против зла. А зло на сцене тоже волеет в образе человека. Поэтому задача создания образов — носителей острого нравственного конфликта — становится одной из основных задач современной драматургии для подростков.

Ее успешное решение, вероятно, во многом зависит от выбора союзников: плюсов и минусов, в которых действуют на них только тогда, когда он активно борется против зла. А зло на сцене тоже волеет в образе человека. Поэтому задача создания образов — носителей острого нравственного конфликта — становится одной из основных задач современной драматургии для подростков.

Ее успешное решение, вероятно, во многом зависит от выбора союзников: плюсов и минусов, в которых действуют на них только тогда, когда он активно борется против зла. А зло на сцене тоже волеет в образе человека. Поэтому задача создания образов — носителей острого нравственного конфликта — становится одной из основных задач современной драматургии для подростков.

Ее успешное решение, вероятно, во многом зависит от выбора союзников: плюсов и минусов, в которых действуют на них только тогда, когда он активно борется против зла. А зло на сцене тоже волеет в образе человека. Поэтому задача создания образов — носителей острого нравственного конфликта — становится одной из основных задач современной драматургии для подростков.

Ее успешное решение, вероятно, во многом зависит от выбора союзников: плюсов и минусов, в которых действуют на них только тогда, когда он активно борется против зла. А зло на сцене тоже волеет в образе человека. Поэтому задача создания образов — носителей острого нравственного конфликта — становится одной из основных задач современной драматургии для подростков.

Ее успешное решение, вероятно, во многом зависит от выбора союзников: плюсов и минусов, в которых действуют на них только тогда, когда он активно борется против зла. А зло на сцене тоже волеет в образе человека. Поэтому задача создания образов — носителей острого нравственного конфликта — становится одной из основных задач современной драматургии для подростков.

Ее успешное решение, вероятно, во многом зависит от выбора союзников: плюсов и минусов, в которых действуют на них только тогда, когда он активно борется против зла. А зло на сцене тоже волеет в образе человека. Поэтому задача создания образов — носителей острого нравственного конфликта — становится одной из основных задач современной драматургии для подростков.

Ее успешное решение, вероятно, во многом зависит от выбора союзников: плюсов и минусов, в которых действуют на них только тогда, когда он активно борется против зла. А зло на сцене тоже волеет в образе человека. Поэтому задача создания образов — носителей острого нравственного конфликта — становится одной из основных задач современной драматургии для подростков.

Ее успешное решение, вероятно, во многом зависит от выбора союзников: плюсов и минусов, в которых действуют на них только тогда, когда он активно борется против зла. А зло на сцене тоже волеет в образе человека. Поэтому задача создания образов — носителей острого нравственного конфликта — становится одной из основных задач современной драматургии для подростков.

Ее успешное решение, вероятно, во многом зависит от выбора союзников: плюсов и минусов, в которых действуют на них только тогда, когда он активно борется против зла. А зло на сцене тоже волеет в образе человека. Поэтому задача создания образов — носителей острого нравственного конфликта — становится одной из основных задач современной драматургии для подростков.

Ее успешное решение, вероятно, во многом зависит от выбора союзников: плюсов и минусов, в которых действуют на них только тогда, когда он активно борется против зла. А зло на сцене тоже волеет в образе человека. Поэтому задача создания образов — носителей острого нравственного конфликта — становится одной из основных задач современной драматургии для подростков.

Ее успешное решение, вероятно, во многом зависит от выбора союзников: плюсов и минусов, в которых действуют на них только тогда, когда он

ВЗГЛЯД ТУРИСТА ИЛИ СЕРДЦЕ ХУДОЖНИКА?

ЗА ПОСЛЕДНИЕ ГОДЫ винажные любители искусства привлекают интереснейшие альбомные рисунки советских художников. Они были опубликованы в ряде изданий и показаны на многих выставках — тематических, групповых, персональных.

Все же становилось, что зарисовка — это не просто учебный рисунок, но все зарисовки сидят только к малоизвестным «перекречкам», сделанным себе для памяти. Искусство зарисовки заняло у себя как самостоятельный жанр рисунка, получивший широкое развитие.

Достаточно хотя бы напомнить зарисовки стиль разных художников, как А. Дейнека, Ник. Соколова (Курильщик), А. Конорова и Н. Жукова, Л. Стойкевича и О. Верейского, В. Гордова и В. Богатырева, П. Осокиной и В. Ивановой, чтобы перед нашими мысленным взором огромный мир образов, целая вереница вдумчивых и метких наблюдений над жизнью — иногда полных восхищения, иногда соглашения кирнических или пишущих сарказмом. Чем больше мы «заглядываем» в голландские зарисовки А. Конорова (опубликованные в № 9 «Иностранной литературы») или в наброски В. Гордова из серии «Американцы у себя дома» (экспонированные в Третьяковской галерее), тем отчетливее мы видим, что в этих «изгнавшихся», казалось бы, рисунках, на самом деле едва прибываю, ни забывая...

АЛЬБОМНЫЙ рисунок — это ли не самая непосредственная встреча художника с жизнью? Тот творческий пластик, где насквозь и откладываются впечатления и характеристики, возникнут оценки, вырабатывается взгляд художника на людей, явления, вещи?

И, как часто бывает, такое первоначальное, но самое острое восприятие жизни выливается в органический слой непосредственного эмоционального ощущения, творческой фантазии, умного, точного обобщения.

Путь зарождения художественного образа, процесс его формирования — неизменно поддается изучению. Однако, несомненно, что немало ценных, ярких образов счастливо возникает уже в процессе альбомного рисования с натурой. Нередко они воплощаются впоследствии в произведениях более капитальных, чем листов из блокнота. Но разывают часто именно из этого зерна.

И быть может, не так уж сильно ошиблись устроители выставки в ЦДРИ, называвшие «путешествия зарисовки» картины и рисунки, казалось бы, мало напоминающие листы из дорожного блокнота, но тем не менее как раз им и обозначены связи происхождения.

«Вечер в Греции», «Одиссей пропадания цветов» и другие известные работы Ю. Пименова, изысканно-элегичный рисунок А. Конорова «Клерки» или подчеркнуто-объективное изображение «Монахов» на экспозиции О. Верейского. Так и видят эти образы, появившиеся «разумом», — эти неизменно живые «куски» действительности, раскрывшиеся художникам в самых своих существенных чертах.

Такая большая выставка — будь она более вдумчиво и тщательно подготовлена — могла бы достойно отметить десятилетие активной деятельности наших художников в области культурных связей с зарубежными странами. Жаль, что этой цели выставка не достигла. Но при всей ее общем-то случайности в подборе и экспозиции она тем не менее оставила ряд интересных страниц творчества. В первую голову она показала с огромной убедительностью, как пристально наблюдавшие жизни становятся новой, из которой рождается художественный образ.

Здесь же, из сопоставления работ разных художников, иных возможностей наблюдать один и тот же объект, складывалось особенно отчетливое представление о различии творческих индивидуальностей в их роли в искусстве. К примеру, Нью-Йорк, удивленный разными мастерами в пиджаке, восхищенный изображением В. Рындина — это привычный «Вильям», всевозможный на граници из мира Манхэттена, яркие и более «материалистические» наблюдения О. Верейского заставляют нас взглянуть на город-гигант как бы изнутри и заметить там в первую очередь невероятную

высоту дома к морю искусственного света.

Существенно, что это разница творческого видения не может быть объяснена лишь различием чисто зрительного восприятия.

Я НЕ НАХОДЮ особо удачными мои любованием устроенные выставки альбомов — «Мир глазами молодых художников», «Болгария глазами друзей» и т. п. За подобными выставками (быть может, и речь склоняется звучанием) как бы кроется известная санкция на «просто смотрение» на «художественное видение».

Но разве мы не вправе ожидать от каждого думающего художника более глубокий «огляд», не только чисто зрительного впечатления? Восприятие мира художником, как уже говорилось, предполагает обязательное обобщение увиденного с учетом ума и сердца: обязательное выражение своего к нему отношения. Поэтому не случайно, что не на каждой выставке подобное название может пристать. И приходит сожаление, что, например, выставки, на которых были собраны работы художников о Болгарии, такие иззвестные вполне подошли.

Да, по большей части показанные здесь произведения художников, появившихся в Болгарии, преимущественно альбомные зарисовки, не слишком глубокими и серьезными обобщениями. На выставке преобразились этнографическая «энциклопедия» (к тому же неточной, лишенной верных характеристик) или же произведения, на которых лежит отпечаток субъективизма: не мало было и так называемых «продолжений» этюдов.

Тем более честные работы, из которых воинская образ Болгарии, не просто «увиденной глазами», а про чувствованной и пережитой советским человеком, художником, открытым неподторгаемым красею духом, городом, природой, обнаружившим курортно-туристическое до-сторонничество, но, конкретически прелести, а совершенно особую красоту, складывающейся из удивительного переплетения своеобразного уклада народной жизни с последней, поиски геройских личностей, талантливых людей, строящих социализм. Именно такой видится «страна Болгарии» в работах братьев А. и Б. Бодаревских, А. Тарана, в некоторых этюдах Н. Абузарханова.

Хороши пейзажи Тарана «Мелинк» — этот образ белого селения, возвышеннего среди болеских гор, как орлиное гнездо. Мне довелось видеть Мелинк в изображении болгарских художников: они любят подчеркивать сущность, даже — какую-то таинственность этого пейзажа. «Мелинк» Тарана, написанный против солнца, весь гордо святится, излучает белое сияние.

Болгары выставили несколько больших полотен, посвященных индустриальному. Перник и ТЦ «Республика». Но, честно говоря, эти изображения маленьких городков, склоненных к Софии, памятники воинам-освободителям. На фоне серебристо-туманного зимнего неба из загорелых черных деревьев стволы деревьев вырисовываются силуэтами пальмовых ветвей, пальмовые русские солдаты, отдавшие жизни свое ради спасения народа-брата. Образ предельно простой, но изолированный, полный внутренней патетики. Очень содержательны также болгарский пейзаж — заезд на Ленин в Пернике. Здесь снова художники нашли композиционный «ход», подобно тому, что в образном замысле есть — разнонаправленное движение поездов, проходящих в разных «блоках» пейзажа. Неотъемлемые от индустриальной панорамы атрибуты — рельсы, дымы, контрасты между зданием и светлого неба — обрастают обостренной выразительностью, динамикой и большой внутренней силы. Этому пейзажу вершиной ощущения силу человека, создавшего сложное, гигантское сооружение, так органично и неподдельно выросшее на дрейф земле. (Хотелось бы только предстереть молодых художников от злоупотребления разными видами мотивами пещерного гравюрования и не сколько наизнанку, но и не слишком наизнанку, не изолированно, не оторвавшись от всего остального настолько, чтобы письма, при которой отдалась всем своим средствам, не выглядели какими-то изолированными изображениями.)

Недаром, наверное, здесь художники не будут на меня в чрезмерной обиде за то, что я попыталась из произведений показать недостатки, характерные для работы многих художников, занимающихся за наши рубежи. Из ошибок ведь надо извлекать уроки, и этого нельзя сказать, не отдав себе отчета в ошибке. Мне, как, вероятно, и многим другим посетителям выставки, тоже было обидно. Обидно за то, что, будучи гордыми друзьями Болгарии, мы не сумели сделать выставку, действительно достойную нашей дружбы. Их же работы, как известно, отличаются от сургового, глубокого чувства материи — в действительности это существо, свободное владение его спецификой — характерная черта творчества мастера.

Вообще очень декоративны эти этюды Н. Абузарханова «Бургас» и «Созополь» уже стоящий в некоторой разумности: нет ли здесь чистого пустого упражнения в живописании? Но побеждает опущение, что в этих не-

больших этюдах все же заключено зерно живого образного представления — о болгарской Черноморье — «капоте». И однако, у картинного стола Абузарханова «Ветхий день» падающий зерно к тулупнику. И, бурное море, и бурное небо, и отряд шагающих по парку юношес — во всем этом ощущаешь не реальное движение жизни, а струю «романтического» шаблона; не живой порыв художественного чувства, а поиски имитации и миметизации в стиле Дейнеки — Никского.

Когда между реальной действительностью и художником возникает, как падает, обволакивающая его непосредственное восприятие мира, забота о сохранении ранее выработанной манеры или о поисках таинственной, неизвестной художнику, это может привести к «отсебятине». И такой «отсебятины» на выставке немало. У каждого художника к тому свою пропорцию. И, бурное море, и бурное небо, и отряд шагающих по парку юношес — во всем этом ощущаешь не реальное движение жизни, а струю «романтического» шаблона; не живой порыв художественного чувства, а поиски имитации и миметизации в стиле Дейнеки — Никского.

Но разве мы не вправе ожидать от каждого думающего художника более глубокий «огляд», не только чисто зрительного впечатления? Восприятие мира художником, как уже говорилось, предполагает обязательное обобщение увиденного с учетом ума и сердца: обязательное выражение своего к нему отношения. Поэтому не случайно, что на каждой выставке подобное название может пристать. И приходит сожаление, что, например, выставки, на которых были собраны работы художников о Болгарии, такие иззвестные вполне подошли.

Да, по большей части показанные здесь произведения художников, появившихся в Болгарии, преимущественно альбомные зарисовки, не слишком глубокими и серьезными обобщениями. На выставке преобразились этнографическая «энциклопедия» (к тому же неточной, лишенной верных характеристик) или же произведения, на которых лежит отпечаток субъективизма: не мало было и так называемых «продолжений» этюдов.

Столь же одбообразны, хотя в совершенном другой манере исполненные зарисовки Созополя и Тырнова у В. Синикова. Но ведь у этих городов совершенно разный облик, разный воздух, разный характер! Напрасно искать эти различия в разношероханных штиряхах цветных карандашами. Впрочем, тут уже дело не только в гипнотическом влиянии субъективного приема. В многочисленных рисунках Синикова мы сталкиваемся с явлением иного рода. Здесь в полную силу действует то самое автоматическое, притягивающееся от множества впечатлений «турбинское» видение, о котором ранее шла речь.

В духе такой же вот добросовестной, но не правдивой (потому что бездумной) виделись выполнеными художником акварели Х. Юрковской и размашистые черные рисунки С. Геруса.

И, наконец, еще об одном — роде творческой деятельности живописи: приехавшего вновь для него страны; подиуме о занятости ее занимается просто писанием этюдов, безотносительно к характеру и смыслу изображаемого места. Солнечная «Уличница» Т. Голембовской вспомнила старинный город, отведен сплошь под курортно-туристическое до-сторонничество, но, конкретически прелести, а совершенно особую красоту, складывающуюся из удивительного переплетения светодиодного уклада народной жизни с последней, поиски геройских личностей, талантливых людей, строящих социализм. Именно такой видится «страна Болгарии» в работах братьев А. и Б. Бодаревских, А. Тарана, в некоторых этюдах Н. Абузарханова.

Хороши пейзажи Тарана «Мелинк» — этот образ белого селения, возвышеннего среди болеских гор, как орлиное гнездо. Мне довелось видеть Мелинк в изображении болгарских художников: они любят подчеркивать сущность, даже — какую-то таинственность этого пейзажа. «Мелинк» Тарана, написанный против солнца, весь гордо святится, излучает белое сияние.

Болгары выставили несколько больших полотен, посвященных индустриальному. Перник и ТЦ «Республика». Но, честно говоря, эти изображения маленьких городков, склоненных к Софии, памятники воинам-освободителям. На фоне серебристо-туманного зимнего неба из загорелых черных деревьев стволы деревьев вырисовываются силуэтами пальмовых ветвей, пальмовые русские солдаты, отдавшие жизни своему ради спасения народа-брата. Образ предельно простой, но изолированый, полный внутренней патетики. Очень содержательны также болгарский пейзаж — заезд на Ленин в Пернике. Здесь снова художники нашли композиционный «ход», подобно тому, что в образном замысле есть — разнонаправленное движение поездов, проходящих в разных «блоках» пейзажа. Неотъемлемые от индустриальной панорамы атрибуты — рельсы, дымы, контрасты между зданием и светлого неба — обрастают обостренной выразительностью, динамикой и большой внутренней силы. Этому пейзажу вершиной ощущения силу человека, создавшего сложное, гигантское сооружение, так органично и неподдельно выросшее на дрейф земле. (Хотелось бы только предстереть молодых художников от злоупотребления разными видами мотивами пещерного гравюрования и не сколько наизнанку, но и не слишком наизнанку, не изолированно, не оторвавшись от всего остального настолько, чтобы письма, при которой отдалась всем своим средствам, не выглядели какими-то изолированными изображениями.)

Недаром, наверное, здесь художники не будут на меня в чрезмерной обиде за то, что я попыталась из произведений показать недостатки, характерные для работы многих художников, занимающихся за наши рубежи. Из ошибок ведь надо извлекать уроки, и этого нельзя сказать, не отдав себе отчета в ошибке. Мне, как, вероятно, и многим другим посетителям выставки, тоже было обидно. Обидно за то, что, будучи гордыми друзьями Болгарии, мы не сумели сделать выставку, действительно достойную нашей дружбы. Их же работы, как известно, отличаются от сургового, глубокого чувства материи — в действительности это существо, свободное владение его спецификой — характерная черта творчества мастера.

Вообще очень декоративны эти этюды Н. Абузарханова «Бургас» и «Созополь» уже стоящий в некоторой разумности: нет ли здесь чистого пустого упражнения в живописании? Но побеждает опущение, что в этих не-

больших этюдах все же заключено зерно живого образного представления — о болгарской Черноморье — «капоте». И однако, у картинного стола Абузарханова «Ветхий день» падающий зерно к тулупнику. И, бурное море, и бурное небо, и отряд шагающих по парку юношес — во всем этом ощущаешь не реальное движение жизни, а струю «романтического» шаблона; не живой порыв художественного чувства, а поиски имитации и миметизации в стиле Дейнеки — Никского.

Но разве мы не вправе ожидать от каждого думающего художника более глубокий «огляд», не только чисто зрительного впечатления?

Когда между реальной действительностью и художником возникает, как падает, обволакивающая его непосредственное восприятие мира, забота о сохранении ранее выработанной манеры или о поисках таинственной, неизвестной художнику, это может привести к «отсебятине». И такой «отсебятины» на выставке немало. У каждого художника к тому свою пропорцию.

И, бурное море, и бурное небо, и отряд шагающих по парку юношес — во всем этом ощущаешь не реальное движение жизни, а струю «романтического» шаблона; не живой порыв художественного чувства, а поиски имитации и миметизации в стиле Дейнеки — Никского.

Столь же одбообразны, хотя в совершенном другой манере исполненные зарисовки Созополя и Тырнова у В. Синикова. Но ведь у этих городов совершенно разный облик, разный воздух, разный характер!

Напрасно искать эти различия в разношероханных штиряхах цветных карандашами. Впрочем, тут уже дело не только в гипнотическом влиянии субъективного приема.

В духе такой же вот добросовестной, но не правдивой (потому что бездумной) виделись выполнеными художником акварели Х. Юрковской и размашистые черные рисунки С. Геруса.

И, наконец, еще об одном — роде творческой деятельности живописи: приехавшего вновь для него страны; подиуме о занятости ее занимается просто писанием этюдов, безотносительно к характеру и смыслу изображаемого места.

Солнечная «Уличница» Тарана — это образ белого селения, возвышеннего среди болеских гор, как орлиное гнездо. Мне довелось видеть Мелинк в изображении болгарских художников: они любят подчеркивать сущность, даже — какую-то таинственность этого пейзажа. «Мелинк» Тарана, написанный против солнца, весь гордо святится, излучает белое сияние.

Болгары выставили несколько больших полотен, посвященных индустриальному. Перник и ТЦ «Республика». Но, честно говоря, эти изображения маленьких городков, склоненных к Софии, памятники воинам-освободителям.

Напрасно искать эти различия в разношероханных штиряхах цветных карандашами. Впрочем, тут уже дело не только в гипнотическом влиянии субъективного приема.

Столь же одбообразны, хотя в совершенном другой манере исполненные зарисовки Созополя и Тырнова у В. Синикова. Но ведь у этих городов совершенно разный облик, разный воздух, разный характер!

Напрасно искать эти различия в разношероханных штиряхах цветных карандашами. Впрочем, тут уже дело не только в гипнотическом влиянии субъективного приема.

Столь же одбообразны, хотя в совершенном другой манере исполненные зарисовки Созополя и Тырнова у В. Синикова. Но ведь у этих городов совершенно разный облик, разный воздух, разный характер!

Столь же одбообразны, хотя в совершенном другой манере исполненные зарисовки Созополя и Тырнова у В. Синикова.